

МОНГОЛ-ОРОС-ХЯТАДЫН АРХЕОЛОГИЙН ФОРУМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ РОССИЯ-МОНГОЛИЯ-КИТАЙ
俄罗斯、中国和 蒙古考古论坛

ОРОС, МОНГОЛ, ХЯТАДЫН
ХИЛ ЗАЛГАА БҮС НУТГИЙН ЭРТНИЙ НИЙГМҮҮДИЙН СОЁЛЫН
ХУВЬСАЛ БА ХАРИЛЦАН НӨЛӨӨЛӨЛ:

ТӨВ АЗИ БА УМАРД ХЯТАДЫН ХАДНЫ ЗУРАГ
ЭРДЭМ ШИНЖИЛГЭЭНИЙ ХУРЛЫН ЭМХЭТГЭЛ

Эмхэтгэсэн: Ц.Төрбат, Н.Батболд

УЛААНБААТАР
2017

ННА 63.4
ДАА 930
Т-56

Монгол улсын Шинжлэх Ухааны Академи
Түүх, археологийн хүрээлэн

БНХАУ-ын Ардын их сургууль
Умардын үндэстнүүдийн археологийн хүрээлэн

ОХУ-ын Шинжлэх Ухааны Академи
Эдийн соёлын түүхийн хүрээлэн

ШУТИС
Бизнесийн удирдлага, хүмүүнлэгийн сургууль

ОРОС, МОНГОЛ, ХЯТАДЫН ХИЛ ЗАЛГАА БҮС НУТГИЙН ЭРТНИЙ НИЙГМҮҮДИЙН
СОЁЛЫН ХУВЬСАЛ БА ХАРИЛЦАН НӨЛӨӨЛӨЛ: ТӨВ АЗИ БА УМАРД ХЯТАДЫН
ХАДНЫ ЗУРАГ. Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Редактор: Ц.Төрбат, Н.Батболд.
- ШУА-ийн Түүх, Археологийн хүрээлэн. - УБ., 2017. - 236 нүүр.

ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэнгээс хил залгаа ОХУ ба БНХАУ-ын эрдэм шинжилгээний байгууллагуудтай хамтын ажиллагааг өргөжүүлэх чиглэлд хийж буй өргөн хүрээтэй хамтын ажиллагааны нэгэн чухал үйл явдал нь 2016 оны 9-р сарын 7-12-нд Улаанбаатар хотноо болж өнгөрсөн “Монгол-Орос-Хятадын археологийн форум” болно. Энэхүү форумын зорилго нь Төв Азийн эртний нүүдэлчдийн соёл иргэнийг судлахад хил дамнан орших археологийн соёлууд онцгой ач холбогдолтой тул гурван орны мэргэжилтнүүдийн хамтын хүчин чармайлтыг чиглүүлэхэд оршино. Тус форумын хүрээнд “Орос, Монгол, Хятадын хил залгаа бүс нутгийн эртний нийгмүүдийн соёлын хувьсал ба харилцан нөлөөлөл: Төв Ази ба Умард Хятадын хадны зураг” сэдэвт эрдэм шинжилгээний хурал амжилттай болжээ. Хуралд гурван орны судлаачид их төлөв Төв Азийн ба Хятадын хадны зургийн судалгааны чиглэлээр 20 орчим илтгэл хэлцүүлсэн байна.

Эхийг бэлтгэсэн: Н.Баярхүү, Ж.Гантулга
Хэвлэлийн эх бэлтгэсэн: Д.Оюун
Цаасны хэмжээ: 176x250 1/10
Хэвлэлийн хуудас: 19,6
Хэвлэсэн тоо: 260
Хэвлэсэн газар: “Адмон Принт” ХХК

ISBN 978-99978-854-7-0

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭНЕОЛИТА И ЭПОХИ БРОНЗЫ МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИН

А.В. Поляков

Изучение памятников археологии Минусинских котловин началось ещё в XVIII веке с работ Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина и других известных исследователей Сибири. Однако только в начале XX века С.А. Теплоуховым была разработана первая научная периодизация памятников эпохи бронзы. Именно имбыл заложен фундамент современных научных знаний об этом периоде. Исследования, проводившиеся до этого, сейчас имеют скорее историографическое значение и уже неоднократно попадали в зону внимания ученых, занимающихся изучением истории научной мысли [Кызласов 1962-а; Вадецкая 1973; Белокобыльский 1986 и другие].

Качественное отличие работы С.А. Теплоухова заключается в его глубоко научном подходе к решению проблемы хронологии. Выбрав на левом берегу реки Енисей участок в районе села Батени протяженностью 14 км, он в течение 9 лет проводил в его границах научные раскопки археологических памятников. Была поставлена задача, изучить весь спектр различных по своим признакам курганов. По мысли ученого, они должны были отражать различные стадии развития древнего общества. В результате ему удалось разделить все полученные материалы на 12 последовательных периодов, отражающих хронологическую стратиграфию памятников от энеолита до монгольского времени [Теплоухов 1927; 1929].

С.А. Теплоухов выделил три последовательно сменявшие друг друга археологические культуры, относящиеся к эпохам энеолита и бронзы (рис.1). Он крайне осторожно оперировал только очень приблизительными абсолютными датами. Наиболее древняя из них – афанасьевская, по его представлениям, существовала до начала II тыс. до н.э. Именно в этот момент её сменяет следующая – андроновская культура. Наконец, около I тыс. до н.э. в Минусинских котловинах появляется карасукская культура, завершавшая схему развития этого хронологического периода.

В неизменном виде эта схема просуществовала около 20 лет. Многие видные исследователи внесли свой вклад в её уточнение и развитие. Особенно следует отметить работы С.В. Киселева [Киселев 1929; 1951]. Однако уже в конце 40-х годов XX века появились первые гипотезы, которые предполагали более дробное деление отдельных периодов исследуемой эпохи. В частности М.Н. Комаровой было предложено выделять ранний “окуневский” этап андроновской культуры [Комарова, 1947]. Спустя всего несколько лет, на основании раскопок серии памятников в южных районах Минусинских котловин (Бельтиры, Тас-Хазаа, Камышта), А.Н. Липский отнес эту же группу памятников к афанасьевской культуре [Липский 1952; 1954; 1957; 1961]. Л.Р. Кызласов, опираясь на свои раскопки у сел Уйбат и Бюрь, предложил пересмотреть концепцию М.Н. Комаровой и выделить поздний “окуневский” этап афанасьевской культуры [Кызласов 1962-б]. Таким образом, наметилась острая полемика о культурной принадлежности этой интереснейшей группы памятников.

Несколько позднее развернулась активная дискуссия, связанная с неоднородностью памятников эпохи поздней бронзы (карасукская

культура). В этот период появились первые концепции, отрицающие строгую последовательность смены археологических культур [Членова 1963, 1964, 1966, 1968, 1972, 1977; Новгородова 1965, 1970; Хлобыстина 1962, 1963, 1967, 1970]. Они предполагали, что “атипичная” группа памятников, входящая в состав карасукской культуры, представляет собой наследие афанасьевско-окуневского периода, доживающее до эпохи поздней бронзы в виде лугавской культуры (или бейской группы памятников по М.Д. Хлобыстиной). Рассматривались варианты параллельного сосуществования населения, оставившего данные археологические культуры. Разные группы населения могли занимать различные природно-климатические ниши или просто проживать в различных частях Минусинских котловин.

Итог этим дискуссиям был подведен на основе раскопок Красноярской экспедиции, в результате работ которой объем источников по археологии Среднего Енисея увеличился многократно. Руководивший этими работами М.П. Грязнов в полной мере использовал уникальную возможность, которая ему выпала. Было понятно, что невозможно провести спасательные раскопки всех памятников археологии, попадающих в зону затопления Красноярской ГЭС. Приходилось выбирать только наиболее ценные из них. В результате М.П. Грязнов сформировал отряды экспедиции по культурно-историческому принципу. Каждый из них специализировался на исследовании памятников определенного хронологического периода.

К концу работы Красноярской экспедиции схема С.А. Теплоухова на этапах энеолита и эпохи бронзы была уточнена в двух важных и наиболее дискуссионных моментах (рис.1). Во-первых, на основе раскопок Г.А. Максименковым могильника Черновая VIII была выделена окуневская археологическая культура, памятники которой ранее включались в состав афанасьевской или андроновской [Максименков 1965, 1975, 1980]. Подробно вся сложная история выделения окуневской культуры изложена в одной из работ Д.Г. Савинова [Савинов 1997].

Во-вторых, карасукская культура была разделена на два хронологических этапа: ранний – “классический” и относительно поздний – каменноложский (по названию поселения Каменный Лог II). Последователи М.П. Грязнова сохраняли приверженность взглядам С.А. Теплоухова о строго последовательной смене археологических культур на территории Минусинских котловин. Итог этого большого исследовательского периода был подведен в эпохальной работе Э.Б. Вадецкой, где подробно описана вся сложившаяся на тот момент хронологическая колонка [Вадецкая 1986]

Современная концепция хронологии энеолита и эпохи бронзы начала складываться в конце 90-х годов прошлого столетия, и обрела свои окончательные формы в середине 2000-х годов (рис.1). Изменения коснулись окуневской культуры, которую И.П. Лазаретов на основе раскопок могильников Уйбат III и V разделил на два последовательных этапа: уйбатский и черновский [Лазаретов 1997]. Немного позднее Д.Г. Савинов предложил дополнить эту схему третьим завершающим этапом, назвав его “разливским” [Савинов 2005]. Однако последнее предложение пока находится в стадии обсуждения.

Вторая точка приложения усилий была связана с остро дискуссионным периодом поздней бронзы. В результате совместной работы И.П. Лазаретова и А.В. Полякова была разработана дробная периодизация, которая предполагает разделение карасукской культуры на 4 хронологических этапа (8 отдельных гори-

зонтов) [Поляков 2002, 2006; Лазаретов 2006, 2007; Лазаретов, Поляков 2008]. Причем наиболее поздние памятники IV этапа ранее, по периодизации М.П. Грязнова, входили в баиновский этап тагарской культуры. Построение дробной периодизации позволило выявить их тесную связь с эпохой бронзы и обосновать принципиальное отличие от раннекифских памятников Среднего Енисея [Лазаретов 2007].

Таким образом, за прошедшие с момента создания первой хронологии 90 лет, изучение периодов энеолита и бронзового века Южной Сибири прошло большой путь. Были различные периоды, как планомерного накопления материалов, так и острейших дискуссий по самым важнейшим вопросам происхождения и взаимодействия культур. Только проверка временем и подтверждение все увеличивающимся объемом накопленных материалов, позволяют закрепить достигнутые результаты в развивающейся хронологической схеме, основу которой заложил С.А. Теплоухов.

Особую сложность при изучении памятников древних периодов Минусинских котловин представляет абсолютная хронология. Продолжительное время не было никакой объективной основы для определения дат и исследователям приходилось опираться на аналогии с очень отдаленными территориями, хронология которых также не может рассматриваться как некая незыблемая точка отсчета. В качестве примера, можно рассмотреть афанасьевскую культуру. В большинстве научных работ приводятся её абсолютные даты без какого-либо обоснования. Они перекочёвывают из публикации в публикацию не подкреплённые ничем, кроме авторитета автора. На сегодняшний день исследователями предложены только два обоснованных пути определения абсолютных дат афанасьевской культуры: синхронизация с ямной культурно-исторической общностью (КИО) и радиоуглеродное датирование [Киселёв 1938: 228-229; Вадецкая 1981: 62-63].

При этом первый путь пока нельзя использовать в полной мере, так как он предполагает значительное число допущений, которые могут сильно повлиять на конечный результат. Однако самая главная проблема заключается в абсолютных датах самой ямной КИО. На сегодняшний день, обоснованные определения возраста её памятников сделаны только на основании того же радиоуглеродного метода [Черных, Орловская 2004]. Получается замкнутый круг. Двигаясь по пути синхронизации памятников афанасьевской культуры с ямными древностями, приходится вновь возвращаться к радиоуглеродному датированию.

Пока в нашем распоряжении нет других способов определения абсолютных дат афанасьевской культуры, кроме радиоуглеродного метода. Конфликт между “традиционной” и радиоуглеродной хронологиями, не только афанасьевской культуры, но и многих других, возник в тот момент, когда была введена калибровочная кривая, позволившая значительно повысить точность метода [Stuiver, Kra 1986; Stuiver, Long, Kra 1993; Алексеев, Боковенко, Васильев и др. 2005: 30-44]. Многие исследователи восприняли это нововведение “в штыки” утверждая, что не калиброванные даты лучше совпадают с археологическими данными. Однако, как показывают исследования, расхождение “традиционных” и калиброванных радиоуглеродных дат минимально для культур, которые могут быть датированы с использованием других веских оснований, например, письменных источников (рис.2). И разрыв резко возрастает, когда рассматриваются более древние культуры эпохи бронзы, “традиционная” хронология которых, построена на бесконечных взаимных ссылках и не калиброванных радиоуглеродных датах [Поляков, Святко 2009: 41].

Вслед за М.П. Грязновым следует признать, что самостоятельной археологической даты афанасьевской культуры на данный момент не существует [Грязнов 1999: 54]. Ссылки на ямные древности не состоятельны, так как их датировки находятся в таком же положении. Весь конфликт заключается в сравнении радиоуглеродных дат до их калибровки и после. И если использование калибровочной кривой давно принято мировой научной общественностью, так как доказало свою эффективность, то привлечение не калиброванных дат является скорее результатом давления стереотипов, и никаких реальных оснований под собой не имеет.

Аналогичная картина наблюдается при изучении ситуации, сложившейся в отношении окуневской и андроновской культур. Для них также решающее значение имеют данные радиоуглеродного метода. Причина кроется в том же западном направлении связей, которые они демонстрируют. Пояс евразийских степей к западу от Енисея не имеет пока надежных хронологических реперов, которые позволили бы точно датировать археологические материалы III-середины II тыс. до н.э.

Принципиально иная ситуация связана с памятниками эпохи поздней бронзы (“карасукская культура” по С.А. Теплоухову и М.П. Грязнову). Именно в этот период основной вектор культурных связей меняется на диаметрально противоположный. Появляется, опосредованная связь с памятниками эпох Шан-Инь и Чжоу Китая, которые могут быть датированы по письменным источникам [Варенов 1981, 1988, 2003, 2004, 2005 и др.; Чжун Сук-Бэ 2000]. В результате есть возможность проверить на этом материале результаты радиоуглеродного метода и получить даты заметно более близкие к абсолютным.

Радиоуглеродные даты не являются историческими в прямом смысле этого слова. В самой основе метода заложено несколько допущений, которые не позволят даже в самом идеальном варианте получить дату, точно совпадающую с реальным историческим событием. Они “работают” в своей собственной системе координат. Постепенно она всё ближе подходит к реальной исторической хронологии, и введение калибровочных кривых значительный шаг в этом направлении. Однако в обозримом будущем нет перспектив того, что они сольются. Основная задача радиоуглеродных определений в создании единого пространства радиоуглеродных дат, которое даст возможность выявлять относительную хронологию культур, памятников и даже отдельных сооружений или слоёв. Абсолютная дата, полученная этим методом, является по своей сути вторичной. Это лишь один из источников данных, которым может воспользоваться исследователь при определении исторической даты. Но, поскольку для афанасьевской, окуневской и андроновской культур это единственный источник информации об их возрасте, пока приходится использовать радиоуглеродные даты в качестве абсолютных.

Удивительной особенностью Минусинских котловин является тот факт, что пока не удалось сформировать четкое представление о развитии на этой территории эпохи неолита. Причина заключается в мизерном числе выявленных археологических памятников этого периода. На сегодняшний день известно несколько стоянок, где наряду с материалами афанасьевского и окуневского времени представлены находки неолитического возраста (Унюк, Карасук V, Вьюжное и другие) [Виноградов 1982; Вадецкая 1986: 11-14]. Исследователи выделяют “унюкский”, “карасевский” и “новоселовский” типы керамики, однако сформировать комплексное представление о материальной культуре и хозяйственном укладе этого населения пока не удается. Для этого просто

недостаточно материалов, что хорошо заметно на фоне прекрасных комплексов расположенных севернее, в Красноярской лесостепи [Макаров 2005].

В результате невозможно детально представить картину жизни неолитических племен на момент прихода в Минусинские котловины носителей афанасьевской культуры. Можно только утверждать, что это население существовало, вероятно, было немногочисленным и занималось охотой, рыбной ловлей и собирательством. Оно обладало навыками изготовления орудий из камня и кости. Ими было освоено производство керамических сосудов.

Мало кто из исследователей оспаривает, что афанасьевская культура появилась в результате экспансии её носителей в Минусинские котловины с далекого запада [Степанова, Поляков 2010]. В их инвентаре и погребальном обряде прослеживается определенная связь с ямной КИО (рис.3). Традиционно принято считать, что афанасьевская культура на Алтае сформировалась несколько раньше, и лишь затем её представители проникли в Минусинские котловины. Это подтверждается и результатами радиоуглеродного датирования [Поляков 2010: 161, рис.3].

С собой они принесли целый спектр принципиальных нововведений, которые до этого в Минусинских котловинах не известны. Во-первых, это скотоводческий тип хозяйства. Основой стада были быки, которых использовали как тяговую силу – запрягая в телеги. Во-вторых, металлообработка, преимущественно меди. Изредка в погребениях встречаются изделия из других металлов – серебра, золота, свинца, предположительно самородных. Зафиксирован уникальный случай обнаружения изделий (обойм) из метеоритного железа [Грязнов 1999: 18, рис.6 – 17]. Наконец, в-третьих, хорошо сформированная погребальная традиция, относящаяся к курганному типу.

Как уже отмечалось, исторические даты афанасьевской культуры Среднего Енисея на данный момент могут опираться только на определения радиоуглеродного возраста образцов из погребений. Подробно этот вопрос был разобран в специальной статье [Поляков 2010]. За истекшие время было сделано несколько новых определений, которые никак не меняют уже сложившуюся картину (рис.2). Необходимо отметить, что по-прежнему главной сложностью анализа является серия древних дат могильника Малиновый Лог, который на основе анализа четырех образцов датируется 37-34 вв. до н.э. Пока на территории Минусинских котловин не получено ни одной сопоставимой по древности даты афанасьевской культуры. Без учета материалов этого могильника наиболее древние даты афанасьевских памятников на Среднем Енисее относятся к 33-32 вв. до н.э. Если нижняя граница этой группы памятников дискуссионна, то верхняя практически не вызывает сомнений. Она проходит на уровне 25 в. до н.э.

Из этого вытекает серьезная научная проблема [Степанова, Поляков 2010: 9]. Даже если отбросить данные могильника Малиновый Лог продолжительность существования культуры на Среднем Енисее составляет не менее 700 лет. При этом за 90-летнюю историю её изучения, так и не было разработано какой-либо внутренней хронологии. Она выглядит в значительной степени монолитной, что с трудом можно представить на протяжении столь длительного времени. Однако даже самые крупные могильники этой культуры насчитывают не более 30-40 курганов, что тоже не соответствует приведенной хронологии. Эта проблема требует в дальнейшем пристального научного внимания.

Формирование следующей, окуневской, археологической культуры также

связано с миграционными процессами. Проблема взаимодействия двух культур до сих пор остро дискутируется в литературе, вплоть до предположений об их продолжительном сосуществовании [Вадецкая 1986: 35-36; Вадецкая 2014: 328; Соколова 2005: 131-132]. “Корни” этой идеи восходят к предположению Г.А. Максименкова о “реконкисте” неолитического населения [Максименков 1975: 36-37]. Предполагалось, что оно было оттеснено афанасьевскими племенами на север в Красноярскую лесостепь, но в процессе взаимодействия с ними освоило скотоводство, металлургию и многое другое. Затем эти неолитические племена ассимилировали носителей афанасьевской традиции и вернулись в долину Енисея в виде окуневской культуры.

Однако судя по данным радиоуглеродного метода, максимально возможный период контакта афанасьевской и окуневской культур весьма невелик и составляет менее 100 лет (рис.2). В сумме с данными об отсутствии смешанных браков и каких-либо следов преемственности в сопроводительном инвентаре и погребальном обряде, можно предполагать, что афанасьевское население было в короткий срок вытеснено или истреблено. Многочисленные параллели с катакомбной КИО (катакомбы, курильницы с перегородкой и т.д.) предполагают, что пришельцы, сформировавшие окуневскую культуру, двигались с запада.

Современные данные по радиоуглеродной хронологии памятников окуневской культуры позволяют проследить её развитие на протяжении 700 лет – с 25 по 18 вв. до н.э. (рис.2). Новые исследования дают возможность выделять два последовательных хронологических этапа: “уйбатский” и “черновский” [Лазаретов 1997]. Эта концепция поддержана практически всеми археологами, занимающимися данной проблематикой. Несколько позже Д.Г. Савинов, опираясь, прежде всего, на развитие художественного стиля, предложил дополнить эту схему финальным “разливским” этапом [Савинов 2005]. Пока это предложение находится в стадии осмысления, так как доказательств недостаточно, в виду незначительного числа курганов, которые к нему отнесены, и неясности критериев выделения.

Ранний уйбатский этап окуневской культуры характеризуется весьма своеобразными признаками, до этого на Среднем Енисее не известными (рис.4). Это редкие формы конструкций погребальных сооружений: ямы с заплечиками, катакомбы, ярусные погребения. Иногда фиксируется положение погребенных на правом боку. Сосуды отличаются иногда встречающимся округлым дном, частым использованием “жемчужника” под венчиком, “монотонной” орнаментацией всей поверхности сосуда крупными четкими оттисками штампа, окраской поверхности охрой. Металлические ножи представлены черешковыми формами с удлинено-треугольным клинком изготовленными из меди. В могилах часто встречаются украшения в виде нашивных зубов животных, просверленные мраморные шарики, костяные колечки с насечками по краю [Лазаретов 1997: 36].

Относительно поздний черновский этап отличается полной унификацией погребального обряда (рис.5). Все погребения совершаются на спине с согнутыми в коленях и поднятыми вверх ногами в укороченных каменных ящиках. Посуда становится исключительно плоскодонной и с неё исчезает “жемчужник”. Его место на шейке занимает орнамент в виде нескольких горизонтальных полос. Изменяется тип металлических ножей, изготовленных теперь в половине случаев из оловянистой бронзы [Хаврин 2006]. Заметно меняется набор украшений, встречающихся в могилах. Уменьшается число нашивных изделий из зубов диких животных. Распро-

страняются бронзовые височные кольца большого диаметра. Это свидетельствует о значительном развитии знаний о металлургии меди.

Разницу в хронологии этапов можно проследить на основании сопоставления их радиоуглеродных дат (рис.6). Ранний уйбатский этап может датироваться 25-22 вв. до н.э., черновский – 22-20 вв. до н.э. Следует обратить внимание, что после 20 в. до н.э. погребения черновского этапа не отмечены. Косвенно, это подтверждает гипотезу Д.Г. Савинова о существовании третьего финального этапа окуневской культуры. Пока он представлен только одной датой из могильника Черновая XI (19–начало 18 вв. до н.э.). На данный момент именно выделение завершающего этапа окуневской культуры является одной из приоритетных научных задач.

Появление памятников следующей, андроновской (федоровской) культуры, на территории Минусинских котловин также связано с активными миграционными процессами [Вадецкая 1986: 46]. Предполагается, что её носители пришли на эти территории с северо-запада по лесостепному коридору. Это были представители крупного культурно-исторического объединения зародившегося в южном Приуралье и распространившегося впоследствии на огромные территории. Минусинские котловины стали наиболее восточной точкой этой мощной миграционной волны.

Согласно имеющимся данным радиоуглеродного анализа период их пребывания на Среднем Енисее был не очень продолжительным и охватывал период 17 – 15 вв. до н.э. (рис.2, 7) [Поляков, Святко 2009: 30-32; Svyatko, Mallogu, Murphy, et al. 2009]. Причем многие исследователи обращают внимание, что погребальные памятники андроновской культуры не известны южнее широты современного города Абакан [Вадецкая 1986: 41-42; Савинов 2002: 24; Лазаретов 2001: 104]. Можно предполагать, что новое население заняло только северные районы Минусинских котловин. Вероятно, южные районы по-прежнему заселяли представители окуневской культуры. Однако прямых доказательств на данный момент не предложено. Существуют только отдельные косвенные наблюдения, предполагающие их контакты с ещё более поздним карасукским населением.

Характер взаимодействия представителей окуневской и андроновской культур пока ещё мало изучен (рис.2). Исследователи отмечают некоторые схожие формы сосудов и близость элементов их орнаментации, однако прямых свидетельств контактов пока не установлено [Вадецкая 1986: 46]. Можно обратить внимание на укрепленные горные крепости (“све”) большинство из которых сейчас датируется окуневской культурой [Готлиб, Подольский 2008]. Для све Чебаки, к примеру, были получены две радиоуглеродные даты по углю из культурного слоя окуневского времени, одна из которых оказалась довольно поздней [Görsdorf, Parzinger, Nagler, Leontyev 1998]. После калибровки её диапазон оказался в границах 1916-1693 гг. до н.э. На этом основании можно осторожно предположить, что создание этих укрепленных пунктов могло быть ответом на андроновскую экспансию.

Новый период в истории Минусинских котловин начинается с появлением следующей волны мигрантов, пришедших с запада. Традиционно это явление принято объединять в понятие карасукской культуры. Однако новейшие исследования показывают, что эпоху поздней бронзы Среднего Енисея нельзя ограничивать понятием одной культуры. Слишком много разных процессов и культурных влияний происходит за этот относительно короткий хронологический период. В результате, было предложено разделять эпоху поздней бронзы (ЭПБ) на 4 последовательных хронологических этапа. Часть из них поделена на

хронологические горизонты, маркируемые кириллическими буквами [Поляков 2002; 2006; 2009-а; 2013; Лазаретов 2006; Лазаретов, Поляков 2008]. Наиболее ранний период – I-а, а завершающий – IV-б.

К моменту появления наиболее ранних погребальных памятников хронологического горизонта I-а Минусинские котловины были поделены на две части (рис.8). Северную (Чулымо-Енисейская и Сыда-Ербинская котловины) занимали племена оставившие памятники федоровской (андроновской) археологической культуры. Южнее широты современного города Абакана, возможно, сохранялось население окуневской культуры.

В момент своего появления население, которое в силу традиции можно называть “карасукским”, заняло территории, освоенные родственными им андроновскими племенами. Многие исследователи считают, что эти две культуры на Среднем Енисее тесно взаимосвязаны и эволюционно перетекают одна в другую [Зиеп Динь Хоа 1966; Комарова 1975: 92-94; Максименков 1978: 110-121]. Однако выявление наиболее раннего пласта ЭПБ (горизонт I-а) показало отсутствие непосредственных элементов преемственности с местной федоровской культурой [Поляков 2009-б]. Все сходные детали носят стадияльный характер и могут рассматриваться, как общий андроновский “фон” в равной степени присущий обеим группам населения.

Формирование ЭПБ Среднего Енисея стало результатом мощной волны “инноваций” связанных с появлением в регионе их носителей, которые только отчасти ассимилировали местное федоровское население. Подтверждает эту точку зрения факт существования разделительной границы, проходящей между Назаровской и Чулымо-Енисейской котловинами. Только вдоль этой границы, к югу от неё, в памятниках I этапа ЭПБ наблюдаются случаи механического смешения “карасукского” и федоровского обрядов погребения [Поляков 2008]. Это позволяет полагать, что новое население, заняв на начальном этапе Чулымо-Енисейскую и Сыда-Ербинскую котловины, оттеснило местное федоровское население на север в Назаровскую котловину. После чего последовал некоторый период сосуществования, что и отразилось в смешанности обряда на приграничных территориях.

Следующий горизонт (I-б) характеризуется унификацией и внутренним развитием погребального обряда, а также экспансией его носителей в южную Минусинскую котловину. Выражается это в появлении к югу от широты современного города Абакана новых могильников (Терт-Аба, СабинкаII, Окунев Улус), которые относятся к финалу горизонта I-б. Они мало отличаются от синхронных погребений расположенных севернее. Вероятно, это отражение процесса освоения новых территорий, с которым связано появление кладбищ при выдвинутых на юг форпостах.

II этап принципиально отличается появлением в составе памятников ЭПБ инновационных культурных элементов. Они преобладают именно в южных районах, и почти отсутствуют в северной части ареала (рис.9). Можно полагать, что формирование II этапа напрямую связано с начавшейся на этапе I-б экспансией в южном направлении. В результате возникли новые контакты, которые мы фиксируем в виде изменений в типах сопроводительного инвентаря (керамики, женского погребального костюма, бронзовых ножей), конструкций погребений и самого погребального обряда. Именно они и позволяют отделять II этап ЭПБ от пласта более ранних захоронений.

Наибольшее значение имеет появление в погребениях II этапа ЭПБ бронзовых

вещей, прежде всего ножей, имеющих аналогии в памятниках на территории Северного Китая. Этому вопросу посвящено довольно много научных статей, из которых следует, что часть сопроводительного инвентаря II этапа ЭПБ может быть сопоставлена с изделиями из памятников, датирующихся эпохой Шан-Инь [Варенов 1981, 1988, 2003, 2004, 2005 и др.; Чжун Сук-Бэ 2000]. Это очень важный хронологический индикатор, позволяющий проверить данные радиоуглеродного метода, на основании аналогий датирующихся по письменным источникам.

На II этапе ЭПБ наблюдается наиболее яркое районирование. В южной части Минусинских котловин фиксируется весь спектр инноваций, включающий не только появление в могилах изделий новых типов, но и, например, смену главенствующей ориентировки погребений с СВ на ЮЗ [Грязнов, Комарова, Лазаретов и другие 2010: 51, табл.11]. В это же время на севере, указанные признаки отсутствуют. Происходит лишь процесс саморазвития культуры на основе I этапа. Такое распределение отчетливо показывает, что направление инновационного импульса шло с юга. Именно в этот период на кладбищах появляются группы “атипичных” погребений, которые могут быть связаны с пришлым населением, принесшим с собой эту “инновационную волну” [Грязнов, Комарова, Лазаретов и другие 2010: 83-94].

Следующий, III этап ЭПБ, значительно отличается от всей предыдущей линии развития (рис.10). Именно эти памятники по хронологии М.П. Грязнова объединялись в каменоложский этап. По всей видимости, происходит усиление инфильтрации нового населения и его активная метисация с местными жителями. Это выражается в значительном изменении форм и орнаментов сосудов, позы и ориентации погребенных, появлении новых типов бронзовых изделий. Изменения затрагивают даже, наиболее консервативные элементы погребального обряда – конструкции погребальных сооружений. Причем сохраняется разделение на северную и южную часть Минусинских котловин. Если на юге все эти процессы идут максимально активно, то на севере долгое время сохраняются консервативные признаки, а развиваются только наиболее изменчивые элементы погребального обряда – керамика и инвентарь [Лазаретов 2006; Лазаретов, Поляков 2008]. III этап ЭПБ период наиболее широкого распространения этих памятников. Они проникают не только в Назаровскую котловину, но и дальше, в Ачинско-Мариинскую лесостепь, где проявляется их влияние на памятники ирменской культуры [Бобров, Кузьминых, Тенейшвили 1997: 11; Членова, Бобров 1991].

На основании исследований самого крупного из известных могильников этого периода Белое Озеро, И.П. Лазаретову удалось проследить определенную линию развития, отраженную в трех последовательных хронологических горизонтах (III-а, III-б, III-в). Наиболее ранний из них тесно связан с предшествующими памятниками и, отчасти, продолжает их линию развития. Горизонт III-б, наиболее стабильный, демонстрирует период сложения всех признаков и стабилизации обряда. Наконец, завершающий горизонт III-в знаменуется появлением новых типов инвентаря и погребальных сооружений, которые получают дальнейшее развитие уже на IV этапе ЭПБ [Лазаретов 2006].

Важнейшим элементом для определения хронологии III этапа являются коленчатые ножи с “грибовидным” навершием. Предметы этого типа, также имеют аналогии в комплексах Северного Китая, но уже эпохи Чжоу. Первым на их близость с монетами-ножами обратил внимание С.В. Киселев. Определенные

аналогии можно провести и по другим предметам, например ПНН (“пряжка колесничего”). Таким образом, на протяжении двух последовательных периодов в истории Минусинских котловин и Северного Китая наблюдаются определенные связи, что уже не может рассматриваться, как случайность.

Завершающий IV этап ЭПБ представлен памятниками “тип Баинов Улус”, которые долгое время по хронологии М.П. Грязнова составляли основу баиновского этапа тагарской культуры и относились уже к скифскому времени (рис.11). Однако в результате построения относительной хронологической шкалы памятников III этапа стало ясно, что они являются развитием местных традиций и включение их в скифский период преждевременно [Лазаретов 2007]. Большая часть типов погребальных сооружений и инвентаря продолжает свое развитие, что позволило разделить эти памятники на два последовательных хронологических горизонта [Лазаретов 2006].

По мнению И.П. Лазаретова, период существования этих памятников был весьма непродолжителен [Лазаретов 2007: 102]. И, естественно, встает вопрос: как они сопрягаются с раннескифскими памятниками, представленными подгорновским этапом тагарской культуры? Пока однозначного ответа нет. Есть основания полагать, что формирование тагарской культуры связано с новой миграционной “волной”, которая выражается в появлении в могилах многочисленных предметов вооружения, нового погребального костюма, изображений в зверином стиле и других элементов. Все они появились сразу в сложившемся виде, и на территории Минусинских котловин не удастся проследить процесс их формирования. Следовательно, речь может идти о появлении новой группы населения, которая могла некоторый период сосуществовать с местными жителями, постепенно их ассимилируя.

Как уже отмечалось, для получения исторических дат ЭПБ Среднего Енисея, можно использовать два источника информации: результаты радиоуглеродного анализа и сопоставление с памятникам Северного Китая, датированными по письменным источникам. Прежде всего следует отметить, что радиоуглеродные даты андроновской культуры и памятников ЭПБ Среднего Енисея практически не пересекаются (рис.2). Учитывая специфику радиоуглеродного метода, это выглядит немного странным. На самом деле причина весьма прозаичная и она заключается в практически полном отсутствии радиоуглеродных дат для памятников хронологического горизонта I-а. Есть основания полагать, что при их появлении нижняя граница ЭПБ ещё немного удревнится.

На сегодняшний день сумма радиоуглеродных дат для ЭПБ указывает период 14-9 вв. до н.э. (рис.2) [Поляков, Святко 2009: 32-35; Svyatko, Mallory, Murphy, et al. 2009]. К сожалению, различные этапы датированы не равномерно. Очень мало дат получено из образцов I и IV этапов. Кроме того, получившиеся хронологические горизонты составляют менее 100 лет и при современном уровне доверительных интервалов радиоуглеродные даты после калибровки охватывают сразу несколько соседних горизонтов. В результате, не удастся проверить относительную хронологию этапов, как это было сделано для окуневской культуры.

На основании имеющегося хронологического отрезка можно примерно оценить возможную датировку отдельных этапов. I этап будет относиться к 14-13 вв. до н.э. Следующий, II этап, в таком случае, можно датировать 12-11 вв. до н.э. Эта дата хорошо согласуется с хронологией эпохи Шан-Инь Северного Китая (13-11 вв. до н.э.), которая синхронизируется со II этапом, на основании типов найденных в

погребениях ножей. III и IV этапы, которые представлены заметно меньшими по размеру могильниками, можно относить к 11-10 и 10-9 вв. до н.э. соответственно. При этом III этап также увязывается на основании коленчатых ножей с эпохой Чжоу Северного Китая, дата которой 11-9 вв. до н.э. Таким образом, для эпохи поздней бронзы радиоуглеродные даты хорошо подтверждаются аналогиями с памятниками, датированными по письменным источникам.

При сравнении этих дат с данными радиоуглеродного анализа тагарских памятников наблюдается небольшой “нахлест” (рис.12). Наиболее ранние памятники скифского времени относятся к 9 в. до н.э. [Поляков, Святоко 2009: 32-35; Алексеев, Боковенко, Васильев и др. 2005: 222-223; Svyatko, Mallory, Murphy, et al. 2009]. Это может служить косвенным подтверждением того, что некоторый период сосуществования населения, наследников традиций эпохи бронзы, и носителей скифской культуры был, однако этот вопрос требует гораздо более детального изучения.

Подводя итог краткому обзору современного состояния хронологии памятников энеолита и эпохи бронзы Минусинских котловин, следует отметить, что за последние десятилетия произошло много важных изменений в понимании как абсолютной, так и относительной хронологии этого периода. Однако крупницы этих знаний рассыпаны на данный момент в десятках отдельных научных работ, что не позволяет сформировать общую картину развития и взаимодействия отдельных культур и групп памятников. После работы Э.Б. Вадецкой [Вадецкая 1986], которая подвела итог монументальным работам Красноярской экспедиции, накопилось достаточно много принципиальных изменений, требующих единого взгляда на картину в целом. На сегодняшний день требуется создание нового крупного монографического исследования, которое собрало бы воедино части этой мозаики.

Modern Chronology of Chalcolithic and Bronze Age monuments in Minusinsk basin

A.V. Polyakov

Institute of the History of Material Culture, RAS

Article is dedicated to the researches of Eneolithic and Bronze ages on the territories of Minusinsk Basin (Republic of Khakasia and Krasnoyarsk district RF). We are going to discuss a key provisions in the development scientific knowledge about these monuments in summary form. Basic chronological schemes created by S.A. Teploukhov and M.P. Gryaznov are presented here. Main part of this research describes modern views on the relative and absolute chronology of the archeological cultures of that period. Their relationship with the previously used charts is also mentioned. Peculiar attention is paid to the division of the Okunevo culture and late Bronze age into chronological stages. The data of radiocarbon analysis was included.

Литература

- Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. – Санкт-Петербург: Теза, 2005. – 290 с.
- Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований XVIII – первая треть XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.
- Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). – Кемерово, 1997. – 99 с.
- Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения древнейшего прошлого Сибири. – Известия лаборатории археологических исследований. Вып.6. – Кемерово, 1973, стр.91-159.
- Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр. – Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981, стр.33-62.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: изд-во “Наука”, 1986. 180 с.
- Вадецкая Э.Б. Этапы ассимиляции населения афанасьевской культуры племенами окуневской культуры. – Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. – СПб: ИИМК РАН; «Арт-Экспресс», 2014, стр. 315-330.
- Варёнов А.В. О датировании сибирских древностей по хронологической шкале Восточной Азии. – Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. – Новосибирск, 1981, стр.54-55.
- Варёнов А.В. Восточно-азиатская линия синхронизации сибирских бронз: проблемы и перспективы. – Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. Всесоюзная конференция востоковедов. Т.1. – М., 1988, стр.12-14.
- Варёнов А.В. Шанское погребение с “карасукским” ножом на могильнике Дасыкунцунь в Аньяне. – Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Материалы Годовой сессии ИАЭ СО РАН за 2003 год. – Новосибирск, 2003, стр.289-293.
- Варёнов А.В. “Карасукские” ножи и кинжалы из Синьдзяна: основные типы, их датировка и районы распространения. – Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы, Омск, 2004, стр.160-163.
- Варёнов А.В. К датировке северокитайских памятников шилоуского типа с “карасукскими” ножами. – Теория и практика археологических исследований. Вып.1. – Барнаул, 2005, стр.79-90.
- Виноградов А.В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины. – Автореф. дис. . . . канд. истор. наук. – Ленинград, 1982. – 16 с.
- Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. – Санкт-Петербург: “ЭлексисПринт”, 2008. 222 с.
- Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. 136 с.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. – СПб:

- «Петербургское Востоковедение», 2010. – 200 с.
- Зиеп Динь Хоа Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР). – автореф. дис. . . . канд. истор. наук. – Л., 1966. – 18 с.
- Киселёв С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году. – Ежегодник гос. музея им. Мартьянова. т.6, вып.2. – Минусинск, 1929, стр.47-81.
- Киселёв С.В. Советская археология Сибири периода металла. – ВДИ. №1(2). – М., 1938, стр.228-243.
- Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 653 с.
- Комарова М.Н. Погребения Окунева Улуса. – СА. №9. – 1947, стр.47-60.
- Комарова М.Н. Карасукский могильник близ улуса Орак – Первобытная археологии Сибири. – Л., 1975, стр.85-94.
- Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии. – Историко-археологический сборник. – М., 1962-а. – С.43-52.
- Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на речках Уйбат и Бюрь. – СА. №2. – 1962-б, стр.112-123.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат. – Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997, стр.19–64.
- Лазаретов И.П. Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири. – Евразия сквозь века. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2001, стр.103-107.
- Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее. – Автореф. дис. . . . канд. истор. наук. – СПб. 2006. – 34 с.
- Лазаретов И.П. Памятники байновского типа и тагарская культура. – Археологические вести. Вып. 14. – 2007, стр. 93-105.
- Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири. – Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. стр.33-55.
- Липский А.Н. Афанасьевские погребения в Хакасии. – КСИИМК. Вып.17. – 1952, стр. 67-77.
- Липский А.Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи. – КСИИМК Вып.64. – 1954, стр. 89-98.
- Липский А.Н. Раскопки в 1953 году в Хакасии. – КСИИМК. Вып.70. – 1957, стр.72-76.
- Липский А.Н. Новые данные по афанасьевской культуре. – Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: сибирское отделение изд-ва “Наука”, 1961, стр.269-278.
- Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи. – Известия лаборатории древних технологий. Вып.3. – 2005, стр.149-171.
- Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири. – МИА. №130. – 1965, стр.168-174.
- Максименков Г.А. Окуневская культура. – Автореф. дис. . . . докт. ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 39 с.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: «Наука», 1978. – 191 с.

- Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры. – Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: «Наука», 1980, стр.3–26.
- Новгородова Э.А. Локальные варианты карасукской керамики. – МИА. №130. –1965, стр.181-186.
- Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: «Наука», 1970. – 192 с.
- Поляков А.В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры. – Степи Евразии в древности и средневековье. – Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002, стр.209-213.
- Поляков А.В. Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников). – Автореф. дис. . . . канд. истор. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 26 с.
- Поляков А.В. Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников “классического” этапа. – Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том I. – Москва, 2008, стр.440-442.
- Поляков А.В. Относительная хронология памятников раннего периода карасукской культуры. – Stratumplus, №2. – 2009-а, стр.451-482.
- Поляков А.В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее. – Записки ИИМК РАН, №4 – СПб, 2009-б, стр.90-109.
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры. – Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010, стр.158-171.
- Поляков А.В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. – Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвящённый 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013, стр.401-416.
- Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии. – Археология, этнография и антропология Евразии. Том 43, №2. – 2015, стр.43-57.
- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные. – Теория и практика археологических исследований. Вып.5. – 2009, стр.20-56.
- Савинов Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте). – Окуневский сборник. – СПб: изд-во “Петро-РИФ”, 1997, стр.7-18.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – 204 с.
- Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры. – Теория и практика археологических исследований. Вып.1. – 2005, стр.28-34.
- Соколова Л.А. Формирование окуневского канонического искусства. – Stratumplus. № 2. Дискурс цивилизаций. – 2003-2004, стр.127-144.
- Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние. – Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010, стр.4-15.

- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае. – Материалы по этнографии. Т.III, вып.2. – 1927, стр.91-108.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. – Материалы по этнографии. Т.IV, вып.2. – 1929, стр.41-62.
- Хаврин С.В. Металлические изделия окуневской культуры. – Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. – Санкт-Петербург: “ЭлексисПринт”, 2006, стр.242-244.
- Хлобыстина М.Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. – Л.: «Наука», 1962. – 32 с.
- Хлобыстина М.Д. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. – автореф. дис. . . . канд. истор. наук. – Л., 1963. 19 с.
- Хлобыстина М.Д. К семантике карасукских лапчатых подвесок. – СА. №1. – 196, стр.246-250.
- Хлобыстина М.Д. Каменский могильник на Енисее и Усть-ербинская группа памятников. – СА. №1. – 1970, стр.121- 129.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур. – РА. №1. – 2004, стр.84-99.
- Чжун Сук-БэО хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая. – Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: Геос, 2000, стр.110-137.
- Членова Н.Л. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. – СА. №3. – 1963, стр.48-66.
- Членова Н.Л. Карасукская культура в Южной Сибири. – Материалы по древней истории Сибири (Древняя Сибирь – I том). – Улан-Уде, 1964, стр.263-279.
- Членова Н.Л. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника). – Древняя Сибирь, вып.№2. – Новосибирск, 1966, стр.212-228.
- Членова Н.Л. Карасукские находки в первой излучине Чулыма. – КСИА. №114. – 1968, стр.84-93.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: «Наука», 1972. – 248 с.
- Членова Н.Л. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами. – Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977, стр.96-112.
- Членова Н.Л., Бобров В.В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау. – Проблемы археологии Евразии. – М.: «Наука», 1991, стр.143-180.
- Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leontyev N. Neue¹⁴C-Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie. – Eurasia Antiqua. Band 4. – Berlin. 1998, p.73–80.
- Stuiver M., Kra R.S. Calibration Issue. – Radiocarbon. Vol.28(2B). – 1986, p.805-1030.
- Stuiver M., Long A., Kra R.S. Calibration 1993. – Radiocarbon. Vol.35(1). – 1993, p.1-244.
- Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia. – Radiocarbon. Vol.51(1). – 2009, p.243-273.

Теплоухов С.А. 1920-е годы	Грязнов М.П. 1970-е годы	Современная хронология 2000-е годы
начало I этапа Минусинской курганной культуры	баиновский этап тагарской культуры	IV этап — Б — А
Карасукская культура	каменоложский этап	Эпоха поздней бронзы III этап — Б — А
	Карасукская культура "классический" этап	
Андроновская культура	Андроновская культура	Окуневская культура Черновский этап — Уйбатский этап
	Окуневская культура	
Афанасьевская культура	Афанасьевская культура	Афанасьевская культура
неолит	неолит	неолит

Рис. 1. Схема относительной хронологии культур энеолита и эпохи бронзы Среднего Енисея на разных этапах её развития.

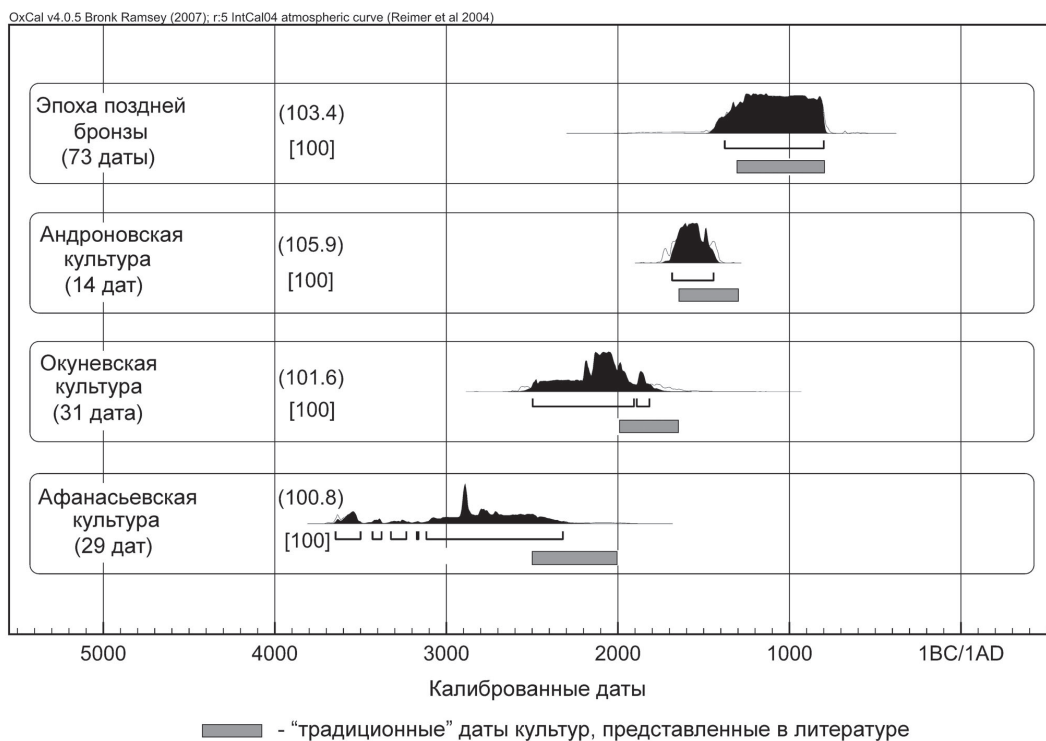

Рис. 2. Сопоставление "традиционных" археологических дат и результатов радиоуглеродного анализа археологических культур Минусинских котловин.

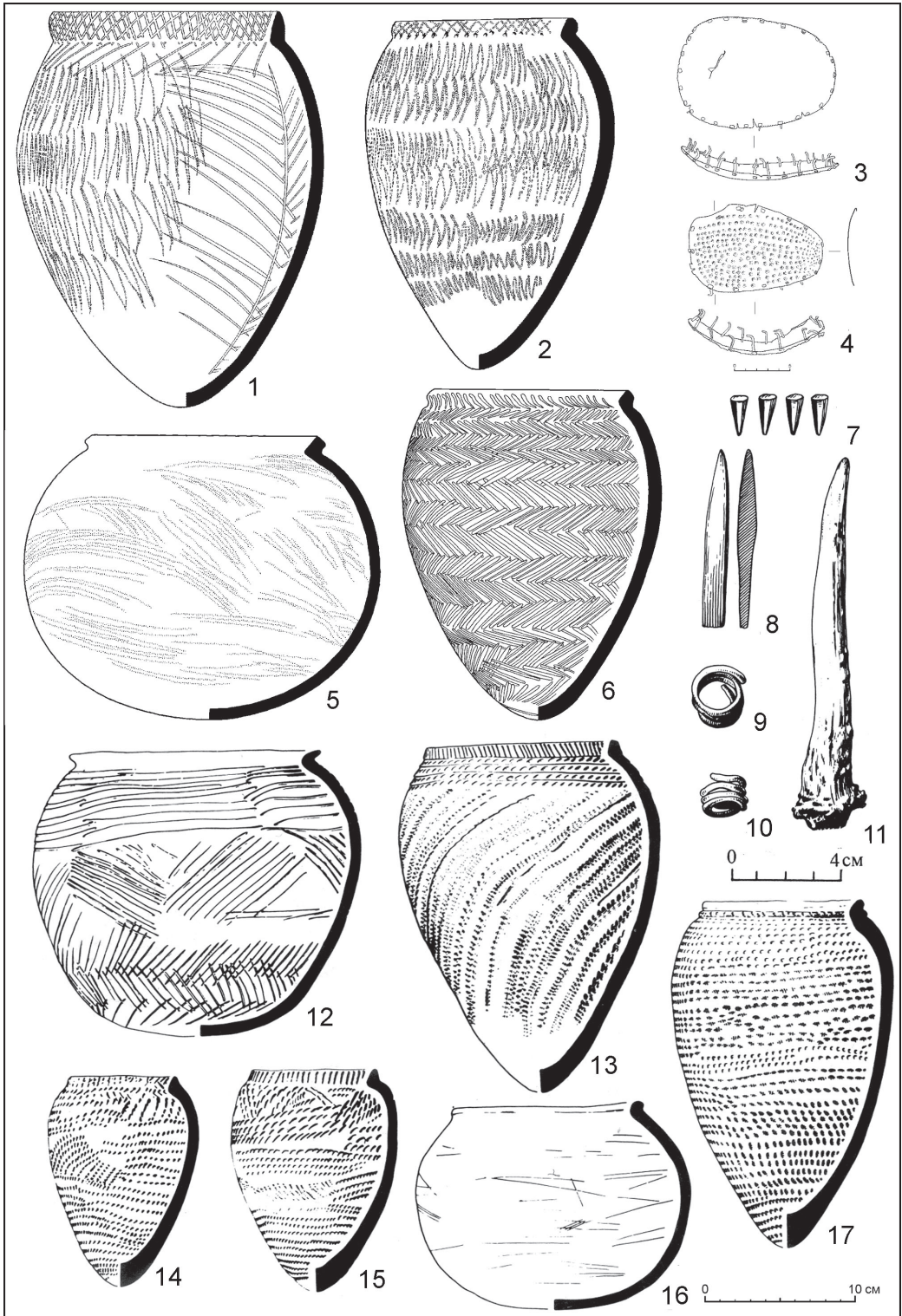

Рис.3. Материалы погребений афанасьевской культуры Среднего Енисея
(по Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014).

Итколь II: 1, 3, 4 – курган 23 могила 1; 2 – курган 23 могила 2; 5, 6 – курган 24 могила 1.
Карасук III ограда 2: 7-10, 12, 14, 15, 17 – могила 1; 11, 13, 16 – могила 2.

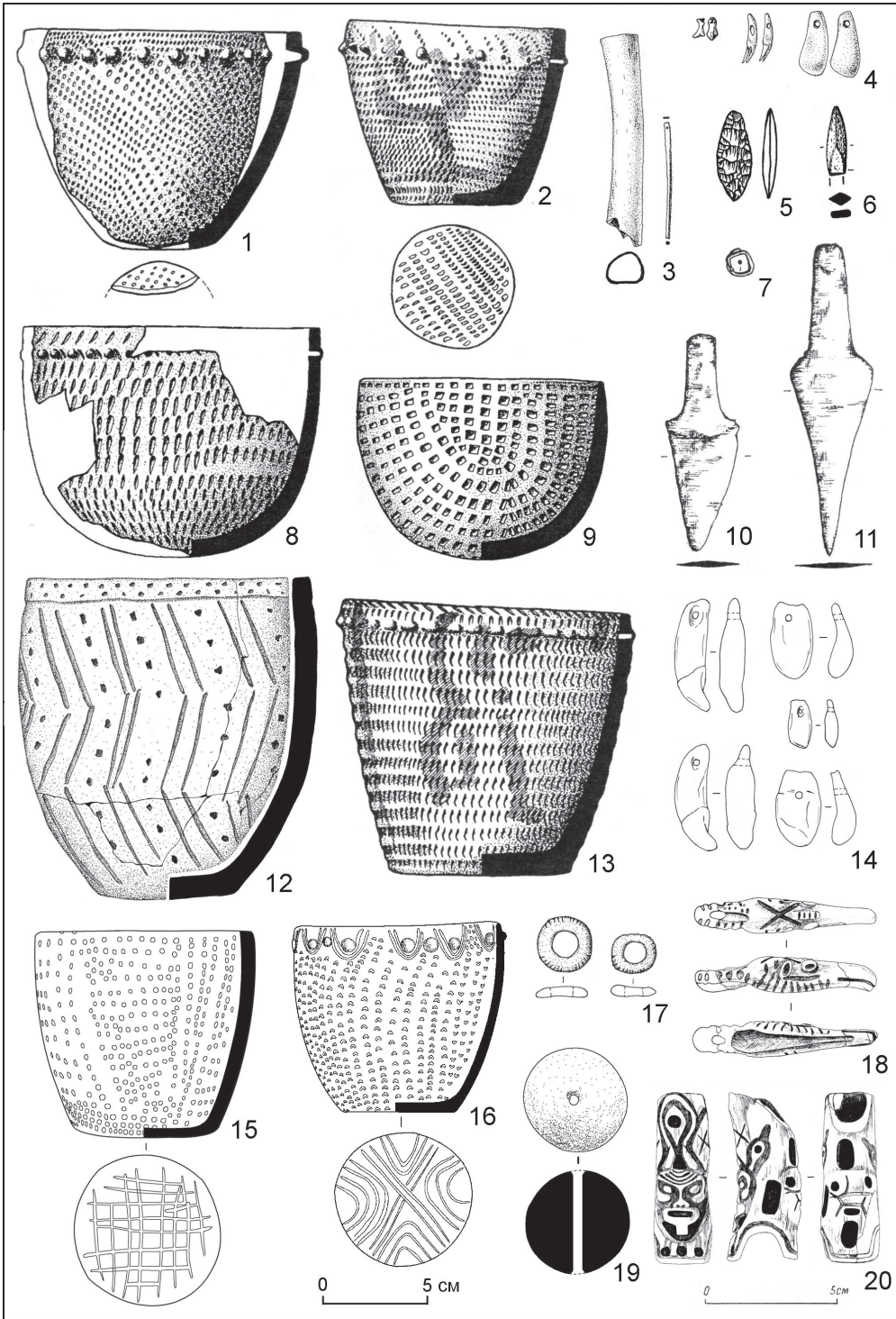

Рис.4. Материалы погребений уйбатского этапа окуневской культуры Среднего Енисея
(по Лазаретов, 1997; Поляков, Есин, 2015).

Уйбат V: 1, 7– курган 1 могила 3; 2– курган 1 могила 6; 3– курган 1 могила 7; 5, 6, 8– курган 1 могила 5.

Уйбат III: 9 – курган 1 могила 7; 4, 10, 11 – курган 1 могила 1; 13 – курган 1 могила 4.

Итколь II: 12, 14, 17 – курган 12 могила 3; 15, 18–20 – курган 14 могила 4; 16 – курган 14 могила 8.

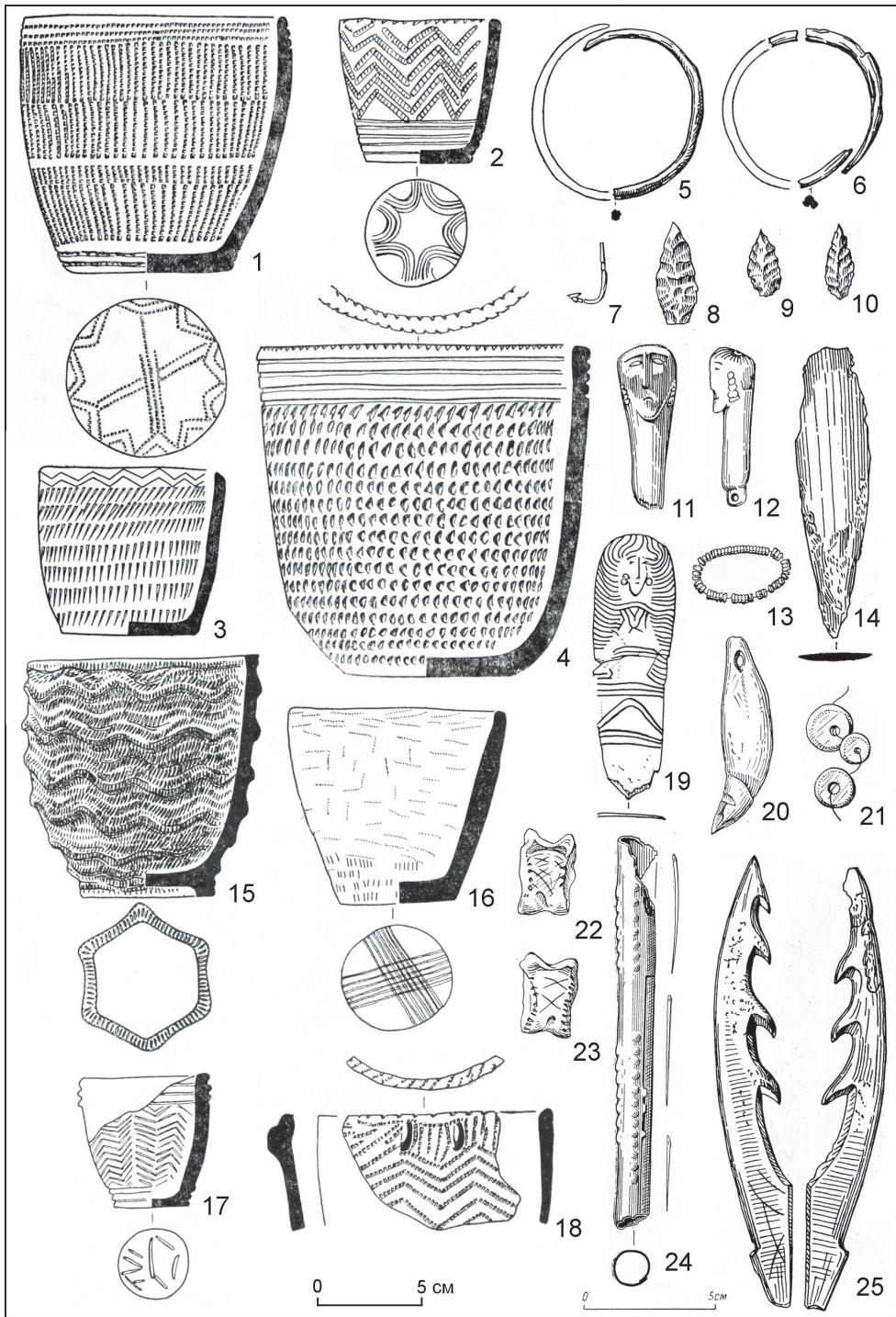

Рис.5. Материалы погребений черновского этапа окуневской культуры Среднего Енисея (по Максименков, 1980).

Черновая VIII: 1 – курган 2 могила 2; 2 – курган 3 могила 15; 3 – курган 8 могила 11; 4 – курган 14 могила 3; 5 – курган 12 могила 1; 6 – курган 10 могила 2; 7 – курган 3 могила 4; 8 – курган 1 могила 4; 9, 10 – курган 4 могила 7; 11 – курган 10 могила 5; 12, 19 – курган 9 могила 7; 13 – курган 4 могила 2; 14 – курган 11 могила 6; 15, 18 – курган 6; 16 – курган 9 могила 4; 17 – курган 8; 20 – курган 4 могила 1; 21 – курган 8 могила 13; 22, 23 – курган 11 могила 8; 24 – курган 1 могила 6; 25 – курган 4 могила 5.

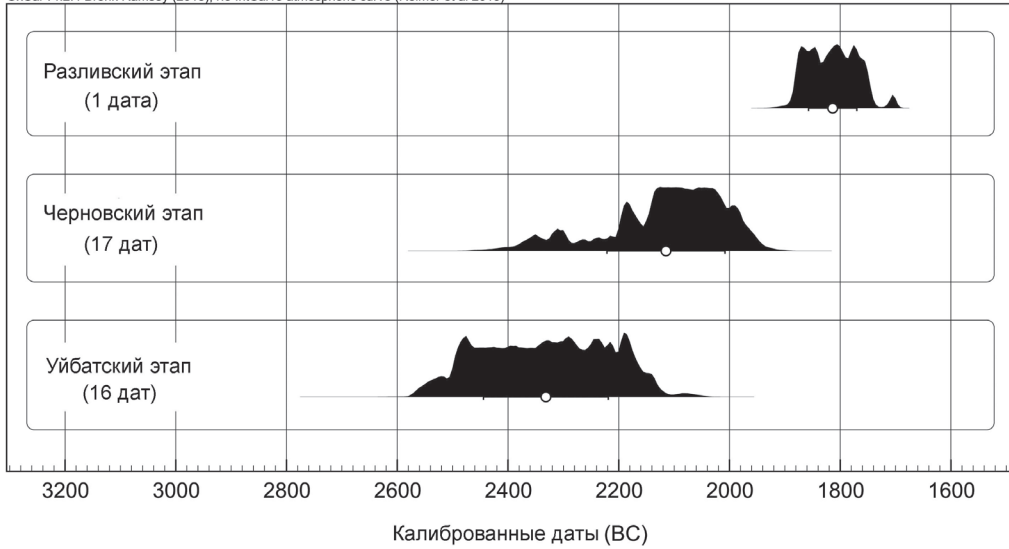

Рис. 6. Сопоставление суммарных результатов анализа радиоуглеродных дат этапов окуневской культуры Среднего Енисея.

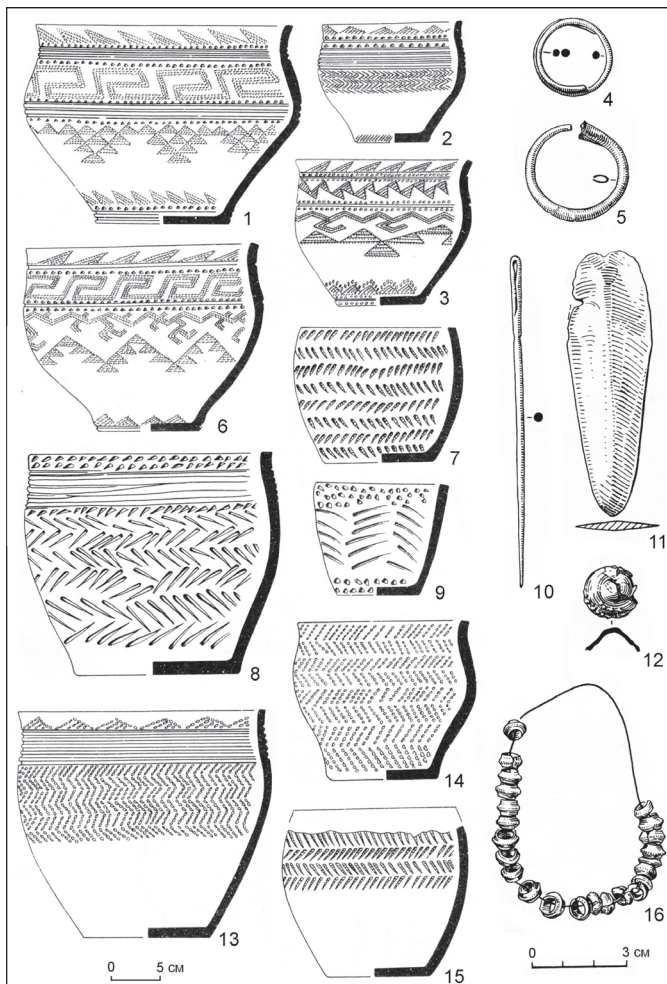

Рис. 7. Материалы погребений федоровской (андроновской) культуры Среднего Енисея (по Максименков, 1978).
 Сухое Озеро I: 1 – курган 1; 2 – курган 440 могила 2; 3, 7 – курган 442 могила 2; 4, 5 – курган 617; 6 – курган 442 могила 4; 8 – курган 26; 9 – курган 442 могила 5; 13 – курган 440 могила 1; 14 – курган 442 могила 3; 15 – курган 662 могила 2.
 Сухое Озеро Ia: 12 – курган II.
 Пристань I: 10, 16 – ограда 7 могила 4; 11 – ограда 5.

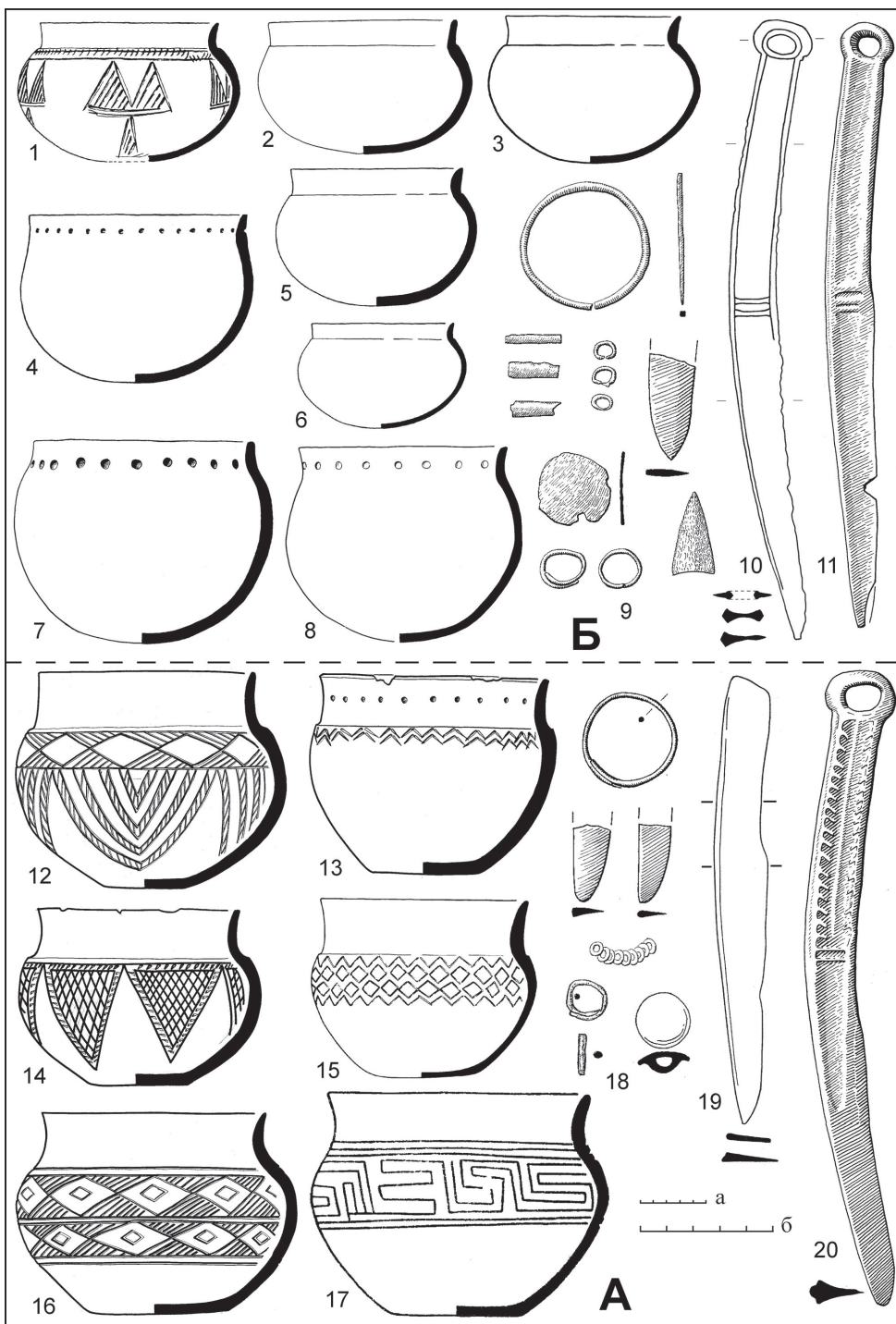

Рис. 8. Материалы погребений I этапа ЭПБ (поЛазаретов, Поляков, 2008).

Малые КопёныIII: 1 – курган 86 могила 4; 3 – курган 2 могила 4; 4 – курган 43 могила 3; 5 – курган 94 могила 1; 6 – курган 114 могила 3; 15 – курган 111 могила 4; 17 – курган 31 могила 1. ВарчаI: 2 – курган 20 могила 1. Сухое Озеро II: 7 – курган 337 могила 3; 11 – курган 252 могила 4; 12 – курган 163 могила 3; 13 – курган 141 могила 12; 14 – курган 81 могила 3; 16 – курган 248-а; 20 – курган 349 могила 1. Карасук I: 8 – курган 35 могила 2. Окунев Улус I: 10 – могила 12. Орак у Болота: 19 – могила 4. Масштабы: а – для керамики; б – для вещей.

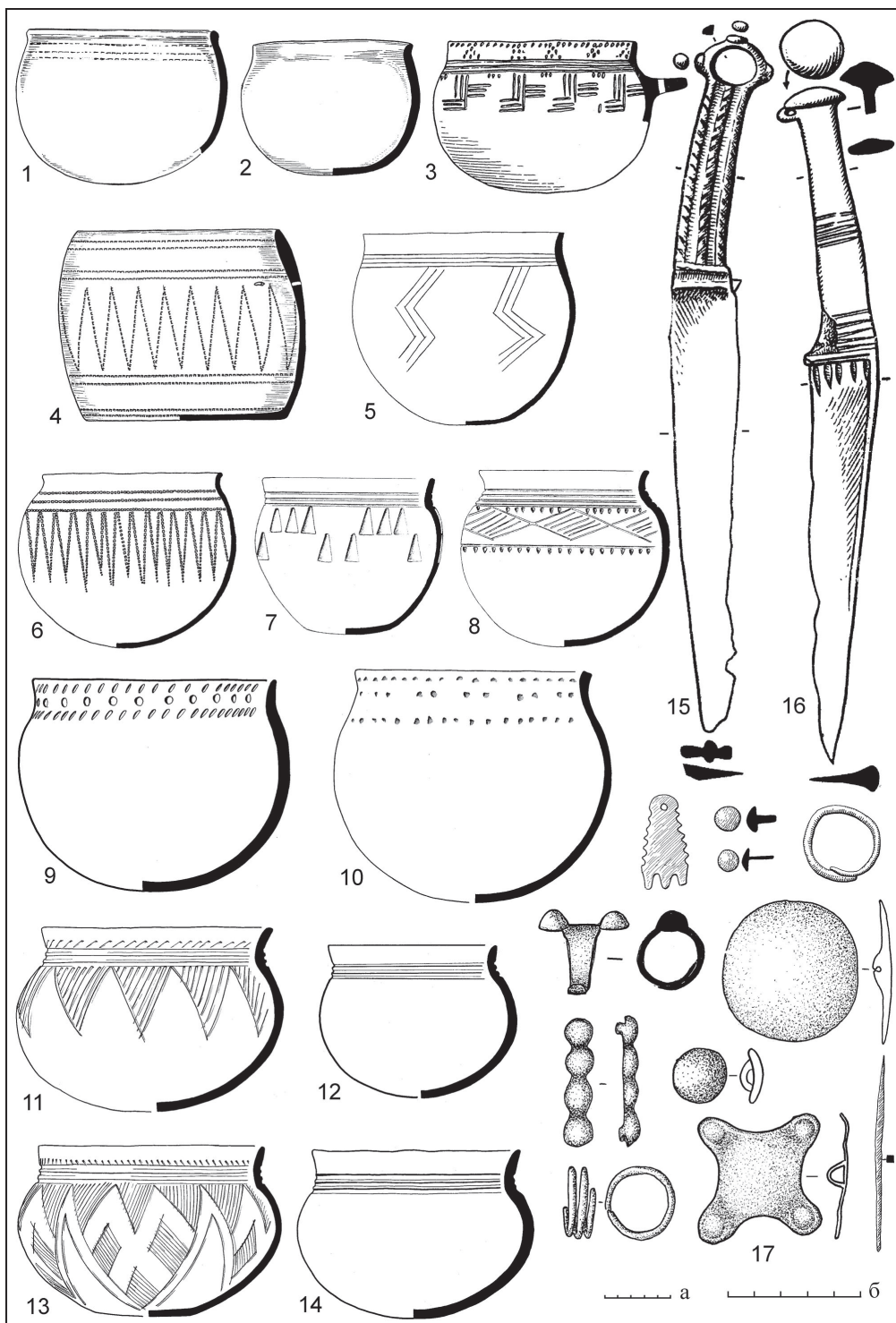

Рис. 9. Материалы погребений II этапа ЭПБ (по Лазаретов, Поляков, 2008).

Арбан I: 1 – могила 18; 2 – могила 28; 4 – могила 35. Бельтыры: 3 – курган 7. Терт-Аба: 5 – курган 39; 6 – курган 19. Быстрая II: 7 – могила 7; 8 – могила 5. Сухое Озеро II: 9 – курган 493 могила 2; 12 – курган 325 могила 2; 14 – курган 427 могила 2. Разлив VI: 10 – ограда 33 могила 5. Карасук I: 11 – курган 54 могила 1; 13 – курган 28 могила 1. Бея: 15 – могила 3. Абакан I: 16 – погребение 21. Масштабы: а – для керамики; б – для вещей.

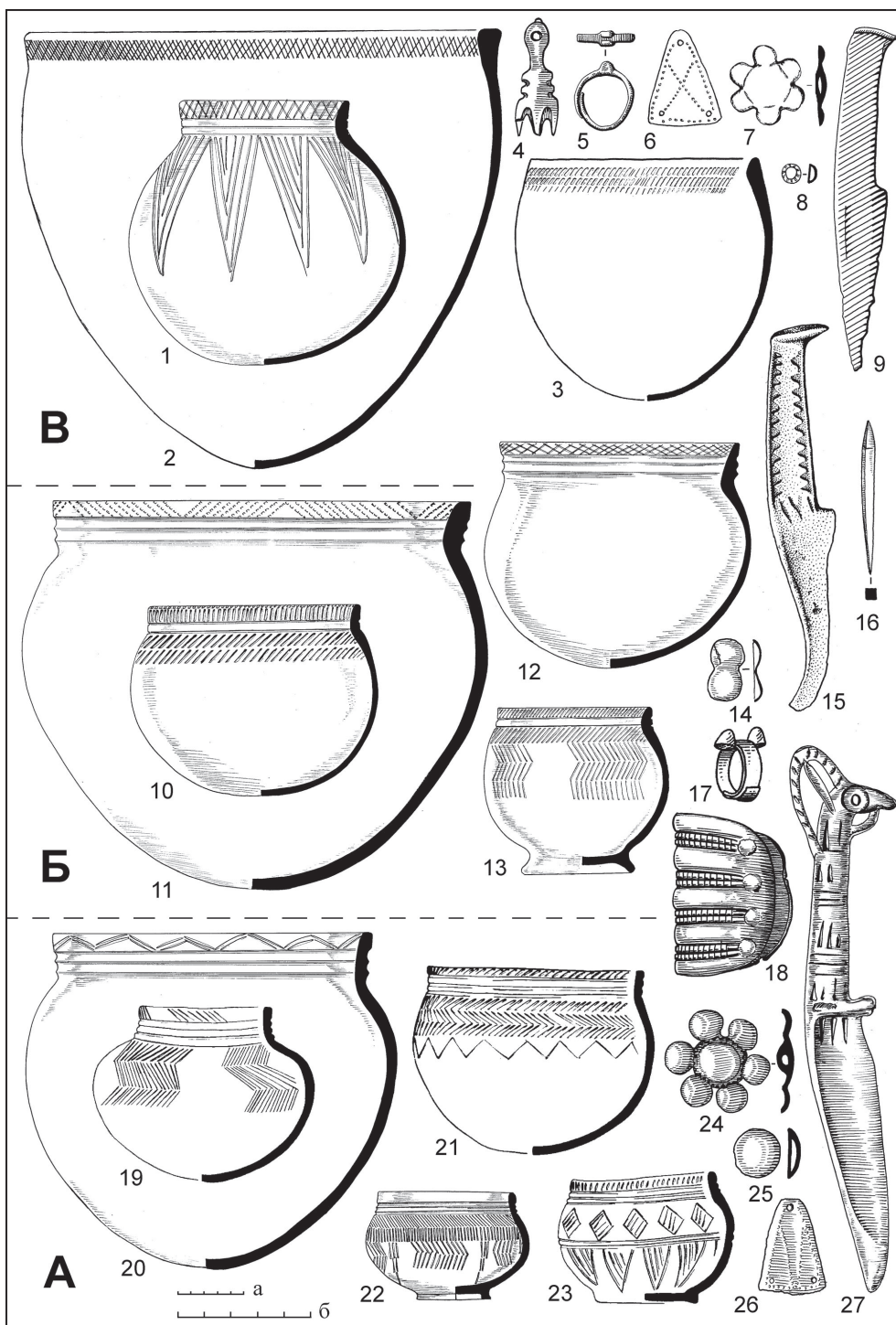

Рис. 10. Материалы погребений III этапа ЭПБ (поЛазаретов, Поляков, 2008).

Белое Озеро I: 1, 4 – курган 59, могила 3; 10 – курган 60; 11 – курган 57; 12 – курган 36; 13 – курган 59, могила 4; 14 – курган 34, могила 1; 16 – курган 2, могила 2; 20, 24 – курган 69, могила 1; 22 – курган 20, могила 2; 25 – курган 64; 26 – курган 75, могила 1. АрбанIII: 2 – курган 1, могила 1. Калы: 3, 5, 9 – курган 3, могила 1. ЛугавскоеIII: 6 – курган 7, могила 1; 7 – курган 3. Волчий Лог: 8 – могила 3; 15, 17 – могила 5. Федоров Улус: 18 – могила 17. Карасук IV: 19 – курган 2; 21 – курган 10. Карасук VIII: 23 – курган 3, могила 2. Подкунинские Горы: 27 – могила 1. Масштабы: а – для керамики; б – для вещей.

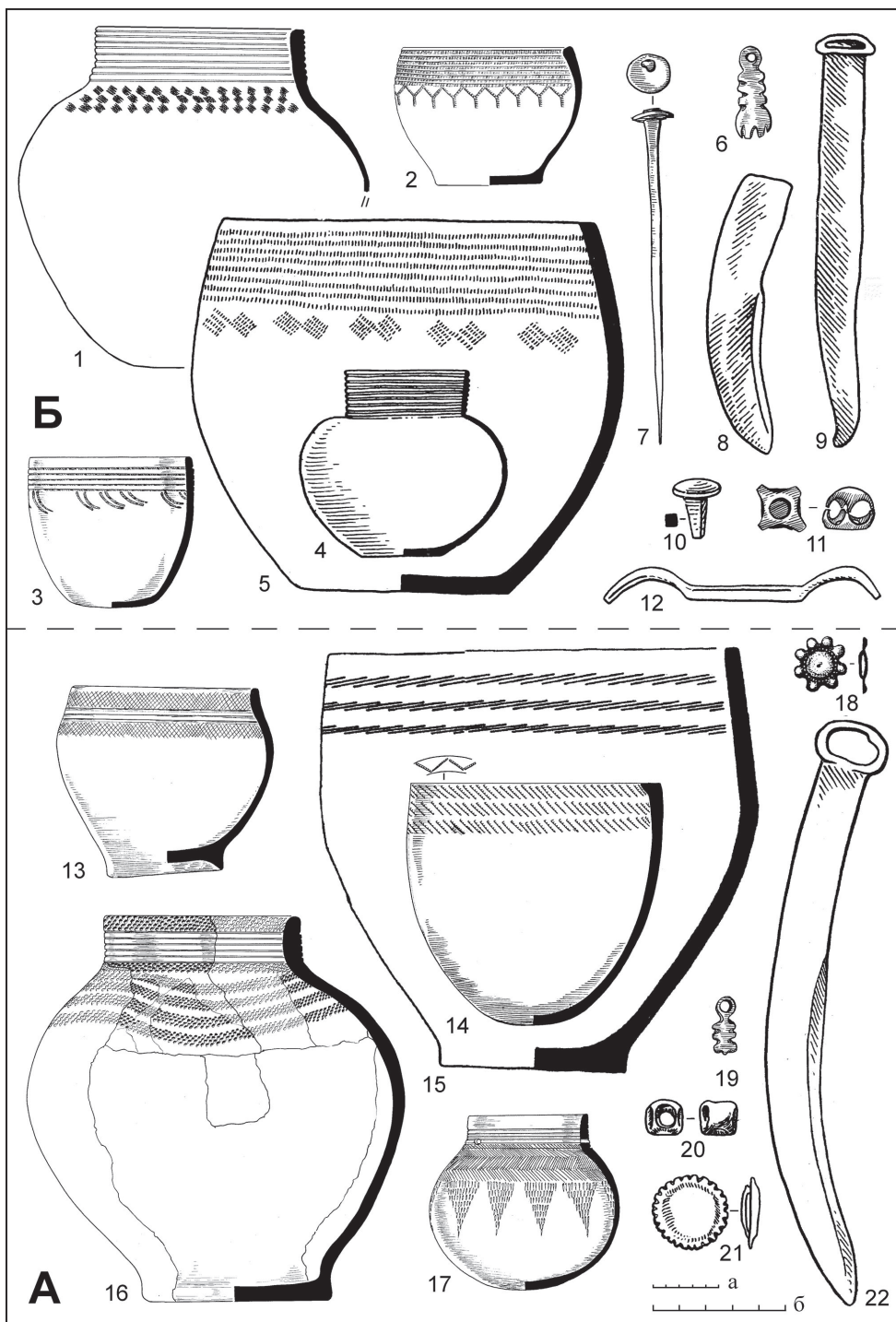

Рис. 11. Материалы погребений IV этапа ЭПБ (поЛазаретов, Поляков, 2008).

БыргановV: 1, 6, 11 – курган 9, могила; 7 – курган 2, могила 2. ЛугавскоеIII: 2 – курган 1. Белое Озеро I: 3 – курган 5, могила 1; 13 – курган 63, могила 3; 14 – курган 53; 16 – курган 40, могила 2; 17, 19 – курган 62, могила 2. Баинов Улус: 4 – курган 1; 8 – курган 4. Самохвал: 5 – курган 9, могила 2. Ильинская Гора: 9 – курган 1. Минусинск VII: 10, 12 – курган 4, могила 1. Ефремино: 15 – курган 8; 20, 21 – курган 7. Усть-Чуль: 18 – курган 6, могила 3. Аскиз VI: 22 – курган 3. Масштабы: а – для керамики; б – для вещей.

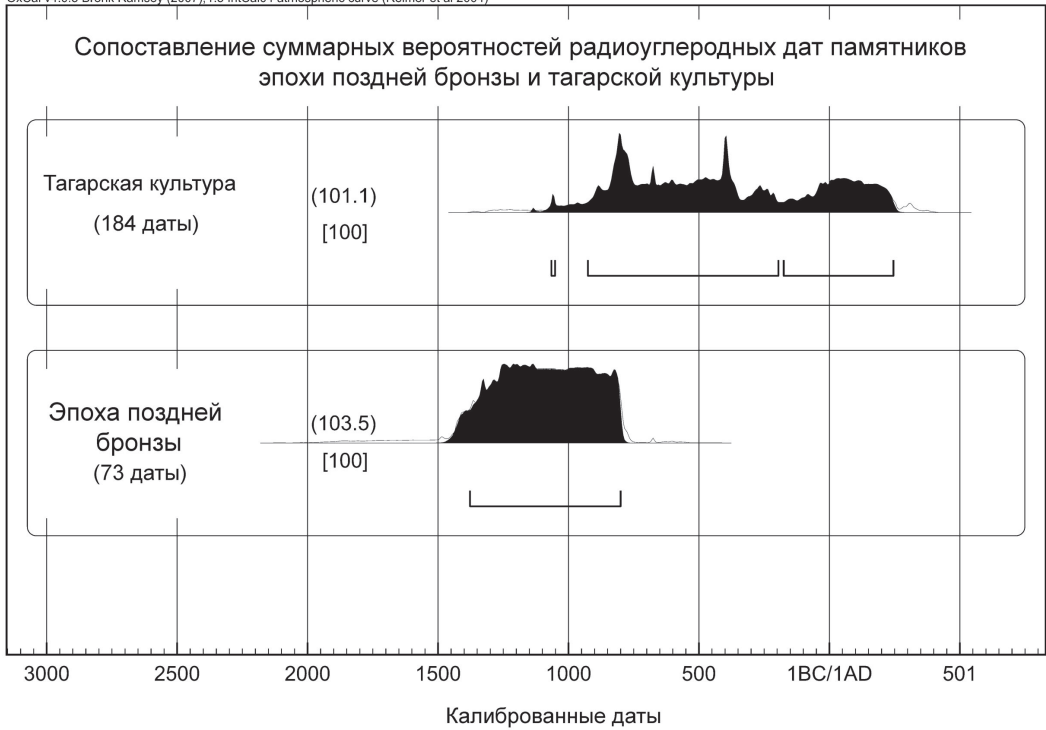

Рис. 12. Сопоставление суммарных результатов анализа радиоуглеродных дат памятников ЭПБ и тагарской культуры Среднего Енисея.

ГАРЧИГ

Хөтөлбөр	3
Программа	5
大纲	7
ИЛТГЭЛҮҮД	
Wei Jian. 岩画的区域类型与年代学的考古学探索 ——以阴山、桌子山岩画为中心	11
M.E.Kilunovskaya. Petroglyphs of Tuva	23
Н.Батболд. Монголын говийн бүсийн хадны зураг дахь хүний нүүрний дүрслэл	39
Zhang Yasha. 赤峰三地岩画题材内容及数据研究	45
Ц.Төрбат. Дорнод Монголд нээгдсэн Жаргалантын адгийн хадны зураг	62
Li Yongxian. 简论岩画图像的文化分析——以青藏岩画为例	72
Zhang Jianlin. 西藏西部阿里岩画与石构遗迹的关联 中国 陕西省考古研究院 张建新	79
И.П.Лазаретов. Окуневская культура и Чемурчекский феномен	89
Я.Цэрэндагва. Шинээр илрүүлсэн хадны зургийн дурсгал дахь зарим өвөрмөц дүрслэл	97
Tang Huisheng. 新疆阿尔泰地区彩绘岩画的年代问题 汤惠生 (河北师范大学)	111
Ц.Одбаатар. Айрагийн Гозгорын Хүннү, Сяньбийн үеийн дурсгалын судалгаа	130
Вл.А.Семенов. Периодизация древних культур Тувы	140
Ю.Болдбаатар. Дөрвөлжин булшны хашлаганы зураг дахь бүжиг хийгээд сексийг тайлбарлах нь	158
Hu Yanchun. 阴山岩刻人类之印记 中国内蒙古河套文化博物院 胡延春	177
А.В.Поляков. Современная хронология памятников энеолита и эпоха бронзы Минусинских котловин	187
Б.Даваацэрэн. Монголын хадны зосон зургийн судалгааны өнөөгийн тойм	212
Т.Садыков. О городищах нового типа в Туве	224
List of participants of the Conference	233